

0790

ЦЕНТР ПОЛИГРАФ

HARLEQUIN®

Мишель Дуглас

НИ ДНЯ БЕЗ ТЕБЯ

Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Любовный роман – Harlequin

Мишель Дуглас

Ни дня без тебя

«Центрполиграф»

2017

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

Дуглас М.

Ни дня без тебя / М. Дуглас — «Центрполиграф»,
2017 — (Любовный роман – Harlequin)

ISBN 978-5-227-08016-5

Уинни Стивенс красива и умна, она отлично руководит своим небольшим коллективом. Ее мотель славится уютом и гостеприимством, но беда в том, что финансовые проблемы вынудили Уинни продать его. Новый владелец — миллионер Ксавьер Рамос, высокий широкоплечий красавец, — явился незамедлительно. Уинни взглянула на него, и у нее бешено забилося сердце. Вскоре мисс Стивенс узнала, что Ксавьер приехал не с добрыми намерениями. Но чем лучше он узнавал Уинни, тем меньше ему хотелось мстить ее маленькой семье за прошлый грех. Да и был ли грех? А главное, как ни сопротивлялся Ксавьер чарам мисс Стивенс, победу ему не суждено было одержать...

УДК 821.111(73)-31

ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-227-08016-5

© Дуглас М., 2017
© Центрполиграф, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Мишель Дуглас

Ни дня без тебя

The Spanish Tycoon's Takeover © 2017 by Michelle Douglas

«Ни дня без тебя» © «Центрполиграф», 2018

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2018

Все права на издание защищены, включая право воспроизведения полностью или частично в любой форме.

Это издание опубликовано с разрешения Harlequin Books S. A.

Иллюстрация на обложке используется с разрешения Harlequin Enterprises limited. Все права защищены.

Товарные знаки Harlequin и Diamond принадлежат Harlequin Enterpriseslimited или его корпоративным аффилированным членам и могут быть использованы только на основании сублицензионного соглашения.

Эта книга является художественным произведением.

Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Глава 1

Уинни Стивенс обошла кругом фойе мотеля «Дом Эгги». Все сверкало.

Но она все равно знала, что сверкающая чистота не в силах скрыть потертый ковер на лестнице, ведущей в комнаты на втором этаже, или то, что резные двери гостиной всего лишь жалкая викторианская имитация.

К тому же солнечный свет, заполнивший фойе, словно специально это подчеркивал. Нет-нет. Солнце – это всегда прекрасно, потому что повышает настроение. А она хочет, чтобы Ксавьер Матео Рамос был в наилучшем настроении.

– Пора бы ему уже приехать, – сказала Тина, постукивая пальцами по спинке стула.

Уинни тоже не могла спокойно стоять и стала поправлять туристические брошюры на стенде. Аккуратно расставлять их не было никакой необходимости, но надо же чем-то занять руки. В висках болезненно стучало, к горлу подкатывала тошнота.

Она пожала плечами, изображая безразличие, но не была уверена, что ей это удалось.

– Он не указал точное время, когда приедет. – Уинни ждала сообщение вот уже часа два и постоянно проверяла эсэмэски в телефоне, но ничего не было. – Перелет из Испании очень утомительный. Возможно, он решил остаться еще на день в Сиднее.

– Лучше бы ему остаться там навсегда!

Уинни ободряюще улыбнулась Тине, главной на ресепшен и своей правой руке, но в ответ получила такой взгляд, что поняла: ободрить не удалось.

– У меня плохое предчувствие. – Тина в сердцах стукнула по табурету. – Если бы ваша бабушка знала, у нее случился бы нервный приступ, и...

– Но моя бабушка ничего не знает, – оборвала ее Уинни. – И никогда не узнает.

Уинни сжала губы, опасаясь, что если скажет еще хоть слово, то слезы, от которых защипало глаза, уже не скрыть. Если бы Эгги знала, что Уинни продала ее любимый мотель, она... Но неизвестно, что Эгги сделала бы. Одно Уинни знала точно: это разбило бы ей сердце.

Уинни тяжело вздохнула. Из-за болезни Альцгеймера Эгги никогда ничего не узнает.

– Простите. – Тина сжала ей руку. – Это нечестно с моей стороны.

Уинни догадывалась, о чем думает Тина, но тактично умалчивает: «Неужели было бы настолько ужасно перевести Эгги из дорогой частной лечебницы в заведение подешевле?» Поступи она так, не пришлось бы продавать мотель.

Это было очень тяжелым решением для Уинни.

А сегодня ей предстоит встретиться лицом к лицу с человеком, купившим «Дом Эгги».

Она беспокоилась не только о себе – продажа мотеля отразится и на других. И это ее мучило. Лично она это переживает. Она еще сравнительно молода, и у нее есть большой опыт в гостиничном бизнесе. Как ни тяжело было бы расстаться с «Домом Эгги», она очень скоро найдет другую работу. Но персонал...

Сколько людей ей говорили, что она взяла на работу «все отребье», какое только можно. У нее от злости затрепетали ноздри. Служащие «Дома Эгги» не раз подтверждали, что они способны выполнять порученную им работу. Ей просто надо убедить нового владельца дать им шанс. Вот и все.

Ксавьер Рамос оставил ее управляющей мотелем и подписал с ней контракт на два года. А это дает ей право нанимать и увольнять персонал. Значит, Тина никуда не уйдет. И Эйприл не уйдет. И Либби. И Мег, и Джастин, и Грейм.

Уинни скрестила пальцы не только на руках, но и на ногах.

– Что, если он решит привезти сюда свой персонал? – с беспокойством спросила Тина.

– Какой еще персонал? Он испанец, и у него нет в Австралии своего персонала. Его персонал – это мы.

Но обе знали, что новый хозяин может все изменить, лишь щелкнув пальцами. У него достаточно средств, чтобы сорить деньгами. Таких денег ни Уинни, ни Тине не заработать и за десять лет. Люди, подобные ему, устанавливают собственные правила.

Тина с хмурым видом заявила:

– Эти миллионеры всегда приводят с собой своих людей. У него наверняка огромная семья, всякие там племянники, племянницы, тети, дяди и куча двоюродных. И всем нужна работа. И все они – скандальные типы, вот их-то он и постарается сплавить подальше... через океан. Тут недалеко и до кровной мести.

Уинни не удержалась от смеха:

– Ты насмотрелась мыльных опер. Хоть бы он поскорее появился, а то мы обе начинаем придумывать жуткие варианты.

– А вдруг он захочет превратить «Дом Эгги» в один из своих шикарных отелей? Никто из нас ему не подойдет.

К несчастью, это правда. Хотя...

– Наш мотель слишком маленький и незначительный для него.

Если Рамос предполагал проникнуть на Золотой Берег¹ со своей сетью экстравагантных отелей, то он не выбрал бы маленький скромный мотель как начальную точку. Уинни недоумевала, почему Ксавьер купил мотель, даже не видя его.

– Жаль, что вам не удалось побольше узнать о его планах, – проворчала Тина.

Уинни пыталась. Но, несмотря на обширную электронную переписку с Ксавьером, он ничего не сообщал о своих планах относительно мотеля.

– Все изменится – это неизбежно, – но кое-что изменится к лучшему. По крайней мере, бесконечный ремонт, который мы затеяли, будет закончен.

– И вовремя! А то краны текут, электропроводка старая и черепица на крыше разбита.

Уинни озорно улыбнулась Тине:

– Кто знает? А вдруг он переделает мотель в испанском стиле.

Наконец-то Тина рассмеялась:

– Мечта Эгги! Было бы здорово.

Уинни вытерла вспотевшие ладони о черные брюки.

– Не забывайте, он заверил меня, что наше видение мотеля совпадает. Зачем тогда он нанял меня управляющей на два года?

– Чтобы вы сразу согласились.

Но зачем? Зачем такому человеку, как Рамос, понадобился ее маленький, старый и такой скромный мотель?

Уинни вскинула голову.

– Хватит гадать. Очень скоро мы получим ответ. Сегодня мы просто поразим его нашим знаменитым гостеприимством.

– Вы даже не волнуетесь перед встречей с ним?

Уинни хотела отрицать, но непроизвольно прижала руку к груди.

– Ужасно волнуюсь. Я-то думала, что подписание сделки на продажу будет самым тяжелым моментом, но сейчас не легче.

Как только Ксавьер Рамос войдет в дверь, Уинни больше не будет хозяйкой «Дома Эгги». Официально она уже не хозяйка, но, пока Ксавьер не войдет через эти двери и тем самым не подчеркнет свои права, она этого не ощущает. А что она ощущает? У нее внутри черная дыра.

– Мисс Уинни! Мисс Тина! – По лестнице со второго этажа с грохотом спускалась Либби.

– Не беги! – одновременно закричали Уинни и Тина.

¹ Золотой Берег – всемирно известный курорт в австралийском штате Квинсленд. (Здесь и далее примеч. пер.).

– Простите, мисс Уинни. Простите, мисс Тина. – Либби, похожая на добродушного щенка лабрадора, продолжала бежать вниз. – Мисс Эйприл велела вам сказать, что лимо... ну, такая большая модная машина едет по улице.

Уинни слышала бешеный стук сердца и завидовала Либби с ее бесхитростной улыбкой. Либби была одной из молодых работников с синдромом Дауна, которых Уинни взяла в мотель из местного приюта. Они работали горничными и садовниками. Эйприл, старшая горничная, была нанята в мотель по программе досрочного тюремного освобождения, как и ее друг Джастин. Тина и Мег попали к Уинни через агентство, которое устраивало на работу женщин, подвергшихся домашнему насилию. Отбросы общества? Ничего подобного. Они ее семья – хотя бабушка у нее на первом месте, – и она их любит. Она не позволит новому хозяину их уволить.

– Спасибо, Либби. А теперь вернись наверх. И не бегом.

«Как я его отговорю? Если он захочет их уволить, как я удержу его от этого?»

Она что-нибудь придумает. И надеется, что этого не потребуется.

Через широкие окна они с Тиной следили за тем, как длинный белый лимузин движется по подъездной дорожке мимо пальм и неслышно останавливается у дверей.

– Удачи нам, – прошептала Тина. – Я молюсь.

Уинни вышла из-за фигурной полированной конторки, сделанной из сосны под дуб, и обвела взглядом интерьер в духе Викторианской эпохи. Возможно, аксминстерский ковер поблек и видны трещины на штукатурке, но деревянная лестница сверкает полировкой, как и конторка ресепшен, а громадная ваза с гладиолусами смотрелась величественно на мраморной подставке. В зеркале в витиеватой раме отражалось залитое светом фойе.

Уинни повернулась к входу, когда высокий мужчина в безупречном костюме не спеша прошел в дверь, которую перед ним распахнул его шофер. Он остановился, поднял голову, прищурился и обвел взглядом фойе.

Уинни растерянно заморгала. Какой же он высокий! И огромный. Темные глаза пронзили ее пристальным взглядом. Как такому крупному мужчине удастся двигаться с грацией пантеры?

Уинни подавила желание ослабить воротник блузки, заставила себя подойти к нему и приветливо улыбнуться. Ведь это новый владелец «Дома Эгги». Он заслужил прием, достойный королевской особы.

– Вы, должно быть, мистер Рамос?

Он протянул ей руку, а у нее зачастил пульс и ёкнуло сердце. Он – самая что ни на есть волнующая комбинация огня и льда. Несмотря на пугающую суровость глаз, жгучей средиземноморской сексуальности ему хватало в достатке.

– Называйте меня Ксавьер!

Слова прозвучали подобно выстрелу – отрывисто, кратко, – и больше походили на приказ, чем на просьбу. Но он ее босс и может приказывать в любой манере, а ей остается прикусить язык и сделать вид, что с радостью все выполнит.

– Я – Уинни Стивенс. Очень рада наконец познакомиться с вами лично.

Он наклонил голову, и солнечный луч упал на его иссиня-черные волосы – они блестя... как море ночью. Уинни никогда не видела таких черных волос. Они казались густыми и мягкими. У нее закололо кончики пальцев.

И глаза у него такие же черные, как волосы. А рука настолько горячая, что обжигает ладонь. Но взгляд темных глаз оставался холодным, губы едва заметно дрогнули в улыбке.

Его глаза скользили по ее лицу. У нее было ощущение, что каждый ее секрет вытащен на его суд. Ей стало жарко, и Уинни поняла, что ее ладонь все еще в его руке. Она поспешно отдернула руку.

– У вас очень приятный...

В этот момент ее внимание отвлек шофер, который втаскивал в дверь объемистые чемоданы. Следует ли ей подойти и помочь?

– Мисс Стивенс?

– Да! – Уинни снова перевела взгляд на Рамосу. – Называйте меня Уинни.

– Вы не договорили. У меня очень приятный... Уинни подавила смех.

– Акцент, – закончила она. И сделала себе замечание: никогда не оставлять незаконченной фразу.

Акцент звучал еще приятнее, чем по телефону.

Темная бровь иронически изогнулась.

– Неужели?

У нее запылало лицо. Он, кажется, подумал, что она кокетничает?

Вот ужас!

Уинни покачала головой:

– Ксавьер, приветствую вас в «Доме Эгги».

Он не ответил и продолжал внимательно и строго на нее смотреть.

Уинни расправила плечи.

– Я искренне надеюсь, что мотель доставит вам не меньше радости и удовлетворения, чем моей бабушке и мне.

Губы у него слегка приоткрылись в невеселой и даже жесткой улыбке.

– Не беспокойтесь, Уинни. Я уже удовлетворен.

Уинни смотрела мимо него, и с лица Ксавьера спало напряжение. Ее радушная улыбка и приветливость застали его врасплох. Он не ожидал такого... гостеприимства.

Она не хотела продавать мотель – это чувствовалось в их электронной переписке и телефонных сообщениях. Несомненно, в этом причина того, что она настояла на должности менеджера для себя. Это условие все еще злило его.

Он ехал сюда, ожидая слез и враждебности. Вместо этого...

Ксавьер убрал сердитую складку со лба. Вместо этого его приветливо и тепло встретили, отчего ему захотелось развернуться и улететь обратно в Испанию. Она заставила его почувствовать... Он сглотнул слюну. На минуту она заставила его почувствовать то, что он всегда чувствовал рядом с дедом – ему по-настоящему рады.

Тяжесть, усталость и хорошо знакомая печаль, которую он старался побороть последний месяц, с новой силой нахлынули на него, когда он смотрел на лицо Уинни Стивенс. Он готов принять ее радушие, ее гостеприимство.

Хотя это ложное гостеприимство. Она его совершенно не знает. Она к нему равнодушна.

Ладонь сжалась в кулак. Он приготовился к бою – тяжелому бою, – а она выбила почву у него из-под ног. Она приветствовала его в «Доме Эгги» так, словно действительно рада ему. Эта женщина – ведьма, колдунья! Как и ее бабка.

Надо возвести барьер между собой и новым менеджером. Он всегда отгораживался от таких женщин... колдуний. Это все упрощало.

Ему стоило невероятного труда не хмуриться и не показывать своего удивления, своего замешательства. Ксавьер видел ее фотографии и знал, что она привлекательна. Но кругом полно привлекательных женщин, в обществе, где он вращался, много красавиц. Вот чего фотография Уинни ему не сказала, так это того, что она просто вибрирует жизненной энергией.

Если бы она не была Стивенс...

Он отбросил эту мысль. У него нет намерения наказывать Уинни за вероломство ее бабушки, но в глубине души он не мог не торжествовать, что круг замкнулся: теперь Стивенсы полностью во власти Рамосов. Дед наверняка смотрит на него с небес и радостно смеется. Ксавьер надеялся, что душа деда наконец обретет покой.

«Не повтори моей ошибки».

«Не повторяю», – мысленно поклялся Ксавьер.

Молчание в фойе затянулось, но Ксавьера это мало волновало. Пусть другие испытывают неловкость. Пусть подумают, прежде чем солгать или перехитрить его.

Он кивком указал назад:

– Это Рейес, мой водитель.

Уинни и с ним радушно поздоровалась и одарила улыбкой. Ксавьер наблюдал за ней краем глаза.

– Из ваших сообщений я поняла, что ваш сын с няней приехали вместе с вами.

– Они приедут сюда немного позже.

– Позже? Сегодня?

– Нет.

Она ждала уточнений, но не дождалась.

Он оставил Луиса в Сиднее под строгим присмотром Паулы и позволил им несколько дней провести в развлечениях. Он не хотел, чтобы Луис стал свидетелем возможных неприятных сцен, и, хотя сегодняшнее знакомство не назовешь неприятным, Ксавьер не сомневался, что следующие дни будут такими.

– Хорошо. Не забудьте дать знать, когда их ждать.

– Зачем?

– Чтобы подготовиться, разумеется.

Эти слова сопровождала приветливая улыбка. Она тряхнула головой, и светлые волосы упругими волнами заколыхались по плечам и спине.

Уинни указала на женщину за ресепшен:

– Это Тина, и мы обе постараемся сделать ваше пребывание здесь как можно более приятным.

Ксавьер молча кивнул Тине.

– Мы накрыли стол в гостиной: чай, кофе, ламингтоны – это лепешки в шоколадной глазури и обсыпанные кокосовым орехом, – и шоколадное печенье. Мы ведь ждали Луиса, а какой маленький мальчик устоит против сладостей?

Ксавьер уставился на Уинни. Он купил ее мотель, а не заглянул на чашку чаю!

Но она направила на него новую порцию теплых улыбок.

– Вы, наверное, устали, и я подумала, что вы захотите перекусить, прежде чем я проведу вас по мотелю.

– Я бы предпочел пройти в свои комнаты.

Улыбка у нее исчезла, но лишь на секунду.

– Да, конечно.

– Вы можете прислать все, что приготовили, в номер.

На ее глаза словно спустилась штормка. Ксавьер не хотел, чтобы его слова прозвучали как приказ, а получилось именно так.

Он оглядел фойе.

– А где ваш коридорный или посыльный?

Она рассмеялась:

– О, это я.

И прежде чем он успел что-либо сказать, она взяла один из чемоданов, которые Рейес поставил на пол, и стала подниматься по лестнице.

– Ваши комнаты наверху – это лучшие номера в «Доме Эгги». – Она через плечо посмотрела на Ксавьера, и глаза у нее сверкнули. – Хотя опасаясь, что они покажутся вам скромными по сравнению с тем, к чему вы привыкли.

В два шага он оказался около нее и забрал чемодан.

– Вы думаете, что мне не понравятся мои комнаты?

– Нет, я так не думаю. – В ее глазах появился озорной блеск. – Я думаю, что мотель вам так понравится, что у вас глаза на лоб полезут от восторга.

Оптимизм Уинни остался без ответа. Может, она перегнула с шуткой?

Она повела его наверх, Ксавьер старался не обращать внимания на дразнящее покачивание ее бедер.

Уинни распахнула дверь в самом конце коридора:

– Это «Апартаменты Виндзор», лучшие у нас.

Он, разумеется, видел все комнаты мотеля в Интернете, но это не похоже на апартаменты. Спальня и гостиная разделены нелепыми деревянными перилами, в спальню надо подняться по ступеньке. Раздвижная стеклянная дверь вела на балкон с витиеватыми коваными поручнями – наверняка подделка, – а балкон выходил на задний двор. Ладно. На первых порах сойдет и это.

Уинни открыла дверь в комнату напротив:

– Это – «Вестминстерские апартаменты» для Луиса и Паулы.

Комната была большая, с двумя двуспальными кроватями и солярием, который тянулся по всему фасаду мотеля. Комната Рейеса – «Кембриджские апартаменты» – находилась рядом.

– Надеюсь, вам будет удобно. Я сейчас распоряжусь насчет еды. Если что-нибудь понадобится, то позвоните на ресепшен.

– Спасибо. – Он кивнул. – Сегодня я буду устраиваться, а завтра займемся делами.

Когда он с этим разберется, то не останется и следа от коварной Эгги Стивенс в этом Богом забытом мотеле. Он превратит «Дом Эгги» в отель такой красоты и богатства, что имя деда навсегда будет связано с новшествами и роскошью.

Имя деда люди станут произносить с гордостью. Он превратит этот мотель в место, которое Лоренцо любил бы. Как только это осуществится, то, возможно, боль, саднящая душу с тех пор, как Лоренцо не стало, исчезнет.

Глава 2

На следующее утро Ксавьер нарочно задал быстрый темп – он хотел проверить Уинни, оценить ее, прежде чем принять решение, каким образом переделать этот захудалый городской мотель в шикарную гостиницу в корпорации Рамоса.

Дед заслужил всего самого лучшего.

В последние дни жизни Лоренцо признался Ксавьеру в том, что за прошедшие пятьдесят пять лет душа его стремилась сюда. Он с такой печальной улыбкой смотрел на Ксавьера, что тому хотелось завывать от жалости.

Он заставил внука дать ему слово не совершать его ошибок. И Ксавьер, прижав руку деда к сердцу, поклялся. Это обещание успокоило Лоренцо. А самому себе Ксавьер поклялся, что найдет способ отдать должное единственному человеку, по-настоящему его любившему.

Он не пожалеет никаких расходов. И не потерпит непокорных служащих.

Ксавьер велел Уинни быть у него в восемь утра, но она спокойно сказала, что это невозможно – она будет заниматься завтраками и освободится не раньше девяти часов, когда начнется смена у Тины.

Надо отдать ей должное – она пришла в конференц-зал ровно в девять. Поскольку он потребовал для себя завтрак в половине седьмого, то она, вероятно, была на ногах уже три с половиной часа. Но она вошла легкой походкой, свежая, бодрая, будто день у нее только что начался. Ксавьер почему-то почувствовал раздражение.

– Расскажите мне, почему вы лично занимаетесь завтраками, – без предисловия спросил он.

Она указала на стул:

– Я могу сесть? – Глаза у нее плясали. – Или я должна стоять перед начальником, и мне учинят допрос с пристрастием? – И, не дожидаясь приглашения, села напротив, скрестила ноги и положила руки на колени. – Доброе утро, Ксавьер. Надеюсь, вы хорошо спали?

Она не то что сидела слишком непринужденно, но и не была вся внимание, как большинство его подчиненных. И опять он не мог сказать, почему это его тоже раздражало.

Уинни словно угадала его настроение, и на ее гладком кремовом лбу появилась озабоченная складка.

– Не выпались из-за смены поясов?

– Нет. – Он смотрел прямо перед собой. – Я провел в Сиднее два дня до того, как поехал сюда. Вполне достаточно, чтобы привыкнуть.

Она поджала губы и помолчала, прежде чем снова заговорила:

– Вы ведь не начинали свою карьеру с основ гостиничного бизнеса?

– Мисс Стивенс, выбирайте выражения.

Вместо того чтобы побледнеть и вздрогнуть, она, кажется, улыбнулась. Он был готов поклясться, что уголки ее рта дрогнули.

– Будет проще, если я скажу вам, что мое второе имя Антония? Дело в том, что, когда я попадала в какую-нибудь неприятную историю, моя бабушка называла меня Уинни Антония Стивенс.

– У вас несколько не испуганный вид.

– Поверьте – внутри я вся дрожу.

Ему ничего не оставалось, как улыбнуться... слегка. И раздражение у него куда-то пропало.

Уинни сложила вместе ладони и сказала:

– А теперь перейдем к завтракам: вы хотели об этом узнать.

Он выслушал ее объяснение. Гости, которым нужен завтрак, оставляют заказ в ящике на ресепшен до семи вечера накануне. Завтрак подается либо в гостиную мотеля, либо в их комнаты. Меню ограниченное, но вполне приемлемое. Ксавьеру показалось, что Уинни сама готовит.

Ксавьер взял на заметку сказать Рейесу, что если они хотят завтракать здесь, то должны заказывать еду своевременно.

– У вас есть помощница.

Это не было вопросом. Кто-то утром принес завтрак в его комнату, и это не была Уинни.

– У меня работает девушка, которая приходит на три-четыре часа утром, когда она мне нужна.

– Какая у нее квалификация?

Уинни непонимающе смотрела на него:

– А какая квалификация ей требуется? Она относит подносы в комнаты и моет посуду.

Теперь Уинни Антония Стивенс почему-то не выглядела непринужденно, скорее насто-роженно.

– Она трудолюбивая, ответственная и честная. Я считаю ее образцовой служащей.

– А вы?

– Образцовая ли я служащая? – Уинни откинулась на спинку стула. – Трудно сказать. Я управляю этим заведением последние семь лет. Я скорее вождь, чем простой индеец.

В глазах у нее заплясали огоньки, но Ксавьер не собирался идти на поводу ее шуток.

– Однако все же полагаю, что стала образцовым начальником.

– Я имел в виду следующее: вы трудолюбивы и честны?

Веселые искорки исчезли из глаз Уинни. Ксавьер до сего момента не замечал, что глаза у нее зеленые, но, возможно, это просто блики света, который в изобилии лился сквозь окна.

– Вы ставите под сомнение мои качества, мистер Рамос?

«Мистер Рамос». Звучит неприятно. Он отплатил следующим замечанием:

– Но вы ведь вынудили меня вас нанять.

Какого же все-таки цвета ее глаза? Необычного зеленого – не изумрудного или приглушенно-зеленого, как у листьев шалфея. Это был цвет, похожий на... жадеит.

– Вы поэтому рветесь в бой?

Ее откровенность попала в цель. Быть здесь – наконец-то! – в этом нелепом второсортном мотеле, с его смехотворной прелестью, чтобы сорвать корку с раны и дать волю гневу и ярости, которые кипели у него внутри с тех пор, как умер дед. А прямо сейчас он хотел разбить что-нибудь... или прибить кого-нибудь!

Но Уинни – пусть она и внучка той женщины – еще даже не родилась, когда Эгги использовала Лоренцо и заставила его страдать. Сердце у Ксавьера могло сколько угодно гореть негодованием, но, скорее всего, Уинни понятия не имела, что произошло пятьдесят лет назад. Не будет же он упрекать ее за это или считать виноватой? Было бы жестоко наказывать ее.

Ксавьер выпрямился. Не надо проявлять слабость. Уинни необходимо понять, что именно он сейчас главный. И чем скорее он донесет это до нее, тем лучше.

– Я намерен произвести здесь изменения.

– Разумеется. Здесь требуются изменения.

– Я не собираюсь воевать с вами. Но либо вы выполняете работу, на которую я вас нанял, либо прямо сейчас подаете заявление об увольнении.

Она вскинула голову, глаза смотрели холодно. Ксавьер уставился... на ее рот, на сексапильный изгиб нижней губы, и, чем дольше он не сводил с нее глаз, тем острее становилось желание, пронзившее его. Если он ее поцелует, то растопит ли лед в ее глазах?

– Да, сэр! – От ее окрика он очнулся.

Она покраснела и отвела глаза.

Он не хотел смущать Уинни – он хотел, чтобы она была готова выполнять любое его распоряжение. Не к чему вгонять ее в краску.

– У вас есть еще вопросы относительно завтраков?

– Я бы хотел устроить зал самообслуживания для завтраков.

– Это было бы замечательно, но у нас нет ни оборудования, ни персонала для этого.

– И тем не менее...

Он дал ей возможность проглотить его реплику. К концу дня, когда она поймет, что он намерен изменить здесь все, он ждет от нее заявления об уходе, как неподходящего для этих изменений сотрудника.

– В мотеле не подают ланчи и обеды?

– Нет. Ну... обычно не подают.

– Поясните.

– Мы подходим к нашим гостям индивидуально.

– И?..

– К примеру, я знаю, что Сандра Кларк душу продаст за котлеты из лосося, а любимое блюдо Годфри Трента – отбивные в сухарях.

Ксавьер не поверил своим ушам.

– Вы готовите их любимые блюда?

– Они платят за них бешеные деньги.

– Сколько?

Она сказала, и он покачал головой:

– Это ничто по сравнению с большинством цен в ресторанах гостиниц.

– Но намного выше, чем в тайском ресторане рядом или в закусочной на углу. Я получаю семьдесят процентов прибыли, а мотель получает благодарность гостей и их верность нашему заведению. Беспроигрышный вариант.

С финансовой точки зрения это имеет смысл, но в корпорации Рамоса так дела не ведутся!

– У вас здесь что? Гостевой дом? Уж точно не отель.

Уинни улыбнулась... своей особенной улыбкой.

– Точное определение. Мы – дом вне собственного дома. Вот почему наши гости постоянно к нам возвращаются. И еще потому, что в наших комнатах очень чисто.

– Ваши номера больше ничем не привлекают.

– Хм. Сурово. Допускаю, что «Дом Эгги» несколько обветшал. Но до сих пор не утратил своего очарования.

– Мотель захудалый. И очарование весьма сомнительное. – Ксавьер постучал пальцем по столу. – Я хочу осмотреть все здание. Сейчас.

– Комнаты три, восемь и двенадцать не освободятся до десяти, но остальной мотель в вашем распоряжении.

Он постарался следующие два часа погонять ее как следует, но она не отставала от него ни на шаг. Это обстоятельство не произвело на Ксавьера положительного впечатления, наоборот – чем больше он находился рядом с Уинни, тем сильнее укреплялся в решении с ней расстаться.

Увольнять ее он не станет – не унижится до этого, но будет счастлив принять от нее заявление об уходе. И он знает, как этого добиться.

Ксавьер повернулся к ней, прервав на полуслове, – они стояли в ванной одного из номеров, и она рассказывала о старой водопроводной системе в мотеле.

– Уинни, кажется, настал момент, чтобы вы узнали подлинную причину, по которой я купил «Дом Эгги».

– Прекрасно! – Она потерла ладони. – Наконец-то вы прекратите мои страдания.

У него губы вытянулись в струнку.

– Вы не похожи на страдалицу.

Уинни тряхнула головой, и ее пышные пряди волос запрыгали на плечах. Она лучезарно улыбнулась.

Dios, эта ее улыбка!

– Удовлетворите мое любопытство.

Сердце у него сильно забилося. Ясные зеленые глаза с живостью смотрели на него.

– У меня исключительно личный интерес.

– Личный? – удивилась Уинни.

Она снова потеряла ладони, и... он мог думать лишь о том, каково ощутить ее руки на своем обнаженном теле. Ксавьера охватил жар, дыхание участилось. Он не помнил, когда в последний раз возникшее желание к женщине помешало его работе.

– О! Похоже на увлекательную историю. Я вся внимание.

– Эта история... – голос прозвучал намеренно сурово, – не для вашего развлечения.

– Нет, конечно. Простите. – Огонек в красивых зеленых глазах мгновенно погас.

Она ничем не заслужила от него выговора. Ее природная искрометность дразнила его. Он не хочет, чтобы она была такой приятной... такой привлекательной.

«Он не желает, чтобы она ему нравилась!»

– История, как вы изволили это назвать, отвратительна и не делает чести вашей бабушке!

Он стиснул зубы. Он не имеет права считать, что Уинни и ее бабушка одним миром мазаны. Если быть честным, то желания обидеть ее у него не было. Он просто хочет, чтобы она уволилась.

– История имеет отношение к Эгги?

«Расскажи ей эту историю, расскажи, что ты намерен сделать, а потом прими ее отставку. Пожелай ей всего хорошего, после чего тебе не придется никогда ее видеть».

Прежде чем он успел продолжить, она произнесла:

– Может, лучше поговорим в конференц-зале?

Он жестом указал, чтобы она вышла первой, но у входа в конференц-зал она пропустила его вперед и не села, пока он не пригласил ее. От ее неожиданной почтительности он заскрежетал зубами. Как бы не пришлось обращаться к дантисту, когда он вернется в Испанию!

Уинни повернулась к нему:

– Вы собирались объяснить, почему вы купили «Дом Эгги».

– Вам известно, что Эгги выиграла мотель в карты?

– Так вот в чем заключается правда? Я всегда думала, что эту историю бабушка рассказывала ради драматического эффекта.

– Это правда.

Если ей и было любопытно, то она ничем этого не выдала. Ксавьер проглотил горький привкус во рту.

– Мой дед Лоренцо Рамос был ее партнером в игре. А мотель принадлежал ему.

– А! – Уинни долго не сводила с него глаз. – Он был влюблен в Эгги?

У Ксавьера свело желудок.

– Почему вы это сказали?

– Когда снова будете в фойе, взгляните на портрет за стойкой ресепшена. Это Эгги в молодости. Она была очень красива... и своевольна. У нее было много поклонников.

Поклонников? Дед не был просто поклонником – он любил Эгги. А Эгги подогревала его любовь и завоевала его сердце обманным способом, а потом отбросила в сторону, словно любовь... ничто.

В полном одиночестве и отчаянии Лоренцо уступил давлению семьи и женился на самой что ни на есть холодной и равнодушной женщине, которую Ксавьер мог представить, – на его бабке.

Лоренцо совершил самую большую ошибку в жизни, а Эгги прожила жизнь с полученным нечестным способом состоянием. Где справедливость?

Гладкий лоб Уинни перерезали морщинки.

– И ваш дед все эти годы таил злобу? Из-за того, что она переиграла его в карты?

Уинни сложила руки на столе и так на него смотрела, что было ясно – она ему не верит.

– А может, он страдал оттого, что не покорила ее?

– Дед переживал потому, что ваша бабушка обманула его, играя с ним в карты. – Ксавьер вскочил с кресла и стал ходить по комнате. – Мотель все эти годы должен был находиться в «Рамос корпорейшн». – Он чуть не ткнул в Уинни пальцем. – Она манипулировала им, влюбила в себя, а затем... обманула!

Он продолжал мерить шагами комнату, а Уинни молчала. Тогда он повернулся к ней со словами:

– Вы ничего не хотите сказать?

Она повела плечом. Растерянной она не выглядела.

– Ваш дедушка рассказал вам все это?

– Да, умирая.

Уинни наморщила лоб:

– Ксавьер, когда умер ваш дед?

Он сделал глубокий вдох и медленно выдохнул:

– Почти пять недель назад.

На секунду взгляд у нее смягчился.

– Сочувствую вашей потере.

– Спасибо.

Повисло молчание. Наконец Уинни произнесла:

– Значит... он попросил вас...

– Перед смертью он взял с меня обещание купить мотель.

У него есть монетка в одно пенни и карта, дама червей, которые отдал ему Лоренцо. Ксавьер поклялся вложить это в руку Эгги. Очевидно, Эгги поймет, что означают эти вещицы. У Ксавьера не было желания встречаться с женщиной, принесшей деду столько горя. Но он обещал.

«Уинни в этом не виновата».

Он снова сел и подавил вздох.

– Мне очень жаль, что именно я тот, кто открыл вам неприятную правду о вашей бабушке.

Ксавьер ожидал взрыва негодования, но она лишь отвела взгляд и уставилась на свои руки, сложенные на коленях.

– Вам нечего на это сказать?

– Хм... Поздравить вас? Вы ведь выиграли?

Он замер.

– Вашу дерзость я не оценил.

Она посмотрела на него, но в ее зеленых глазах он не увидел боли. А что он увидел? Жалость?

– Ради бога, Ксавьер. Вы ждете, чтобы я поверила в слова умирающего человека? Вы серьезно этого ждете?

Он молча запрокинул голову.

А она продолжала:

– И что потом? Война Монтекки и Капулетти? С ума сойти! Мне есть чем заняться. И вам тоже. Но вот чем вам не следует заниматься, так это мстить за то, что ваш дед оказался слишком инертен, чтобы при жизни решить свои проблемы.

– Слишком инертен!.. – Ксавьер не сдержался и заорал на нее, вскочил, едва не опрокинув стул. Боль от потери деда охватила его с новой силой. – Вы ничего не знаете о моем деде! Он был самым добрым, самым мягким из мужчин, и он не заслужил того, как с ним обошлась Эгги.

– А вы не замечали, что когда мужчина страдает от разбитого сердца, то это всегда вина женщины, а когда у женщины сердце разбито, то и в этом случае она виновата? – Уинни тоже вскочила и уперлась руками в бедра. – Хотите знать, что мне поведала печальная история о вашем деде? Да то, что он глупец, раз поставил на кон в карточной игре свой мотель! О чем он только думал?

Глупец? Ксавьер сжал кулаки – его охватила дрожь.

– Мне известно, что Лоренцо женился, и у него родились три сына. Не похоже что-то на разбитое сердце. Вы удивлены? Вы что, ожидали, что я не наведу справок о «Рамос корпорейшн»? Я знаю, что Лоренцо основал грандиозную гостиничную сеть.

Лоренцо с головой ушел в работу, потому что домой его не тянуло. Но Ксавьер не собирался рассказывать об этом Уинни.

– А это означает, что он мог бы выкупить «Дом Эгги» в любой момент, пока был жив... если ему это было так важно.

«Если?»

– Он был гордый человек!

– Если он действительно любил Эгги, но из гордости не стал ее добиваться, то... то разбитое сердце он заслужил.

– Вы такая же бессердечная, как и ваша бабушка!

Уинни прикрыла глаза и тяжело вздохнула.

– Я всего лишь указываю вам, что вы знаете только одну сторону истории. Могу вам сказать прямо сейчас, что Эгги любила мужское внимание и никогда не делала из этого секрета. И также могу сказать, положив руку на сердце, что она ни за что не стала бы мошенничать в делах чести. Но вы ее не знаете, и поэтому я не жду, чтобы вы мне поверили. То, что произошло между Эгги и Лоренцо, не имеет к нам с вами абсолютно никакого отношения – нас это не касается. И у меня нет никакого желания беспокоиться по этому поводу в дальнейшем.

Сердце у него жгло.

– Вы не любите свою бабушку?

– Наоборот – я ее обожаю.

– Неужели вам все равно то, что я собираюсь стереть любой след Эгги, вашей обожаемой бабушки, в этом мотеле?

Нахмурившись, она приблизилась к нему.

– Ксавьер, Эгги живет в сердцах всех тех, кто ее любит: в моем, в сердце моей матери... в сердце Лоренцо. А это, – она указала на конференц-зал, имея в виду весь мотель, – это будет лишь кучей старого кирпича, когда вы тут все разрушите.

У этой женщины нет ни капли сентиментальности! Но из-за нее он чувствует, что в чем-то виноват, словно он мальчишка, совершивший плохой поступок, который надо исправить.

Ксавьер вскинул голову с таким властным видом, что Уинни захотелось стукнуть его.

– Я могу принять ваше увольнение в любое время, мисс Стивенс.

– Что же вы не назвали меня Уинни Антония? Ведь полное имя имеет больший вес.

Он сердито посмотрел на нее, но не успел открыть рот, как она продолжила:

– Я не собираюсь увольняться. Я знаю, что в мотеле грядут изменения. Это не предмет спора – некоторые изменения назрели уже давно. Что касается истории с нашими дедушкой и бабушкой, то, как я и говорила, я не намерена этим заниматься.

Ксавьер испепелил ее гневным взглядом, но в дверях в этот момент появилась Эйприл.

Уинни встала и извинилась.

– Надеюсь, что это важно, – пробормотала она себе под нос.

Эйприл зашептала Уинни на ухо. Повернувшись к Ксавьеру, Уинни коротко заявила:

– Простите, но мне совершенно необходимо срочно уйти.

– Неужели нельзя?..

– Нет, никак нельзя.

Времени на спор не было. Уинни быстро шла по коридору к комнате под номером двенадцать. Не обращая внимания на табличку «Не беспокоить» на двери, она постучала.

– Миссис Гладстон? – Уинни постучала громче. – Серена?

Ответа не последовало.

Не раздумывая, Уинни открыла дверь своим магнитным ключом. Дыхание застряло в горле, когда она увидела Серену, лежащую на полу.

– Эйприл, немедленно вызывайте скорую. – Уинни кинулась к женщине, опустилась на колени и взяла за руку. – Скажите, что она диабетик и у нее беременность двенадцать недель.

Глава 3

Дрожащими пальцами Уинни нащупала у Серены пульс. Пульс был, но слабый. Слава богу! Она взяла холодную руку в свои и принялась растирать.

– Серена... Серена, милая, вы меня слышите?

Серена не шевелилась.

И тут Уинни увидела Ксавьера – он опустился на колени рядом с ней и взял Серену за другую руку.

– *Dios*, да она вся холодная.

Уинни не заметила, что он пошел за ней следом. Вероятно, хотел сказать, что уволит ее – как только догонит, – за непокорность.

Ксавьер хотел поднять бессознательную женщину, но Уинни его остановила:

– По-моему, не надо ее трогать.

Серена была беременна. Что, если они случайно навредят и ей, и ребенку?

Не говоря ни слова, он стянул с кровати стеганое одеяло и укрыл Серену, аккуратно подоткнув одеяло со всех сторон.

– Чем еще я могу помочь?

– Подержите ее за руку. – Уинни проглотила ком в горле – она не ожидала от него такой... заботливости.

– Она вас хорошо знает? – спросил Ксавьер.

Уинни кивнула.

– Если она придет в сознание, то знакомое лицо ее успокоит, – сказал он.

Это разумно. А то, что она сейчас попросит его сделать, крайне неприятно.

– Вы не могли бы проверить ванную? Нет ли там следов рвоты или крови?

Но он даже глазом не моргнул, пошел в ванную и вернулся через минуту.

– Рвота есть, а крови нет.

Значит, Серена не потеряла ребенка. Пока не потеряла.

– Надо сказать об этом парамедикам, когда они приедут.

В дверях появилась Эйприл.

– Скорая будет через пять минут. Тина проводит врачей сюда сразу же. Я вам здесь нужна?

– Спасибо, Эйприл. И еще: я бы хотела поменьше любопытных глаз, насколько это возможно. Мы обязаны уберечь от этого миссис Гладстон.

– Сделаю все, что смогу, – пообещала Эйприл и закрыла за собой дверь.

Уинни осторожно отвела волосы с лица Серены.

– Серена, милая, вы меня слышите? Сожмите мне руку, если слышите.

Но Серена не двигалась.

Неожиданно в руке оказалась влажная салфетка. Присутствие Ксавьера придало Уинни уверенности. Она обтерла Серене лоб, щеки, продолжая с ней разговаривать.

– Ксавьер, вы не могли бы посмотреть, какая еда на буфете? Я хочу знать, что она ела сегодня утром.

Он пересек комнату в два шага и сообщил:

– Один кусочек ветчины, два яйца и два тоста.

– Получается, что она съела кусочек ветчины с фасолью.

Ксавьер указал еще на апельсиновую кожуру:

– Об этом тоже надо сказать парамедикам?

Уинни кивнула. Она заметила, что Серена под одеялом пошевелилась.

– «Скорая» здесь, – сказал Ксавьер, глядя в окно.

– Привет, дорогая. – Уинни улыбнулась, увидев, что Серена открыла глаза. – Вы снова с нами.

Серена растерянно моргала и озиралась. Стиснув руку Уинни, она прохрипела:

– Ребенок?

– Не волнуйтесь. Ничего не произошло такого, что указывало на опасность для ребенка. «Скорая» уже здесь. Вот увидите – все будет хорошо.

– Уинни, пожалуйста, не оставляйте меня. Пожалуйста, я...

В глазах Серены было столько мольбы...

– Я поеду с вами. И позвоню вашей сестре. Не беспокойтесь. Думайте о том, что скоро вам станет лучше.

Серена кивнула:

– Благослови вас Бог, Уинни... Парамедики позволили Уинни поехать вместе с Сереной, и Ксавьер успел всунуть ей в руку дамскую сумочку Серены.

– Возможно, понадобятся ее данные и телефон.

Его предусмотрительность удивила Уинни.

– Спасибо, – сказала она.

– Я здесь займусь делами.

Ей совсем не хотелось оставлять его наедине с персоналом, но выбора нет. Уинни скрестила на удачу пальцы.

Уинни опустилась на скамью в приемной больницы. Посмотрев на часы, она поняла, что сидит здесь всего полчаса, но минуты тянулись бесконечно. Медики сказали, что состояние Серены стабильное, но отказались сообщить, потеряет ли Серена ребенка.

Серена безумно хотела ребенка. Если она его потеряет...

Уинни вздрогнула, увидев у себя под носом пластиковую чашку. Она машинально взяла ее и подняла голову – с ней рядом уселся Ксавьер с чашкой в руке.

– Чай, – сказал он. – Я подумал, что вам захочется выпить горячего.

– Что... вы здесь делаете? – удивленно спросила Уинни.

– Я привез вещи миссис Гладстон. Они могут ей понадобиться. Я оставил их у медсестры.

Уинни кивнула:

– Да... очень предусмотрительно.

Ксавьер наклонился к ней. От него пахло ванилью, сосновыми шишками и морем – ее любимыми запахами. Прежняя надменность куда-то делась. Вместо этого...

Вместо этого она увидела беспокойство и теплоту и что-то еще непонятное, но от этого у нее стянуло живот, а по телу с головы до ног разлился жар.

– Медсестра сказала, что ее состояние стабильное, – произнес Ксавьер.

Ох уж этот акцент! Просто проникает в душу... особенно когда он не строит из себя требовательного босса или ангела-мстителя.

– Ни к чему так волноваться, – продолжал он.

Уинни вскочила.

– Мне сказали то же самое! А что с ребенком не сказали, выживет ли он.

Ксавьер осторожно взял ее за руку и усадил обратно.

– Я заключу с вами договор, мисс Уинни Антония Стивенс.

От того, как он произнес ее полное имя, и при этом улыбаясь, сердце у нее запрыгало.

– Договор?

– Допейте чай, и потом я пойду и узнаю что только можно о состоянии Серены и ее ребенка.

Этот новый босс все больше нравился Уинни.

– С чего вы взяли, что вам скажут все?

Он высокомерно изогнул бровь. Этот человек привык добиваться своего. Завтра это может обернуться бедой, но сегодня будет полезно.

Уинни сняла крышку с чашки.

– Ксавьер Матео Рамос, я согласна.

Они улыбнулись друг другу, и день уже не казался Уинни сумрачным и холодным.

– Не пейте залпом, – предупредил он. – Можете обжечься. Чай горячий.

– Простите, Ксавьер. Такого в ваш первый день я не планировала.

– Это не ваша вина. – Он задумчиво на нее смотрел. – А вы вели себя просто потрясающе – такая спокойная и собранная.

У нее внутри опять все затрепетало.

– И вы тоже.

– Но вы знали, что делать, а я нет.

– Серена – наша постоянная клиентка, поэтому мне известны ее проблемы.

– Диабет и беременность?

– А как вы поступаете в подобных случаях? Такое ведь бывает?

– К счастью, редко. Почему Эйприл пришла за вами? Она же занята уборкой комнат.

– У нас правило: если на двери номера давно висит табличка «Не беспокоить», то входить в комнату должны двое служащих.

Ксавьер кивнул:

– Это разумно.

– Эйприл сначала попросила Тину позвонить в номер, но, когда телефон не ответил...

– Она пришла за вами?

– Да.

Ксавьер наморщил лоб.

– Но я не понимаю, почему Эйприл настолько забеспокоилась, что подняла тревогу?

– Я уже говорила, что Серена – наша постоянная гостья. Она визажист и стилист, и вчера у нее был показ на Золотом Берегу. Обычно завтрак ей приносят в половине восьмого, а поскольку было уже начало двенадцатого...

– А если бы Серена Гладстон просто хотела побыть одна и отдохнуть? Вы решили рискнуть и вызвать недовольство клиентки, желая убедиться, что с ней все в порядке?

– Да, это так.

– Серене повезло, что вы выбрали менее профессиональный способ, – заявил он.

Он ее критикует?

«Прикуси язык, Уинни Антония Стивенс, – приказала себе она. – Не лезь на рожон».

– А как долго не стали бы входить вы? – Уинни постаралась, чтобы в голосе не прозвучали обвиняющие нотки.

– Я нанимаю таких служащих, которые способны принимать правильные решения.

Уинни прикусила-таки язык, и до крови. Надо кончать этот разговор. Сейчас же. Она допила чай – до противности сладкий. Но, как ни странно, от этого сладкого чая ей стало лучше.

Она отдала ему чашку и сказала:

– Я сдержала свою часть договора.

Тогда он, не говоря ни слова, встал и ушел – выяснять все подробности о состоянии Серены.

Уинни была не в силах усидеть на месте и начала ходить по приемной.

Ксавьера не было уже двадцать минут.

Уинни продолжала ходить взад-вперед и молиться. Если Серена потеряет ребенка, то для нее это будет страшным ударом.

Уинни почувствовала появление Ксавьера... почувствовала кожей. У нее пересохло во рту.

– Что? – выдавила она.

– Врач настроен оптимистично, считает, что с Сереной и с ребенком все в порядке. Но, возможно, Серене придется лежать до родов и...

Дальше Уинни уже не слушала – она успокоилась и опустилась на скамью.

– Ох, Ксавьер...

И вдруг... расплакалась.

Он мгновенно сел рядом, обнял ее за плечи, крепкое бедро прижалось к боку. Плечом и коленом она ощущала его тепло, впитывая в себя.

– Простите...

– Уинни, того, чего вы боялись, не произошло. Ваши слезы вполне понятны. Пойдемте. Я отвезу вас домой.

В его глазах не было и намека на осуждение. У нее кольнуло сердце.

– Я обещала сестре Серены дожидаться ее. Но вам вовсе не нужно оставаться, Ксавьер.

Он кивнул, сжал ей руку и внимательно посмотрел в глаза. Эти глаза... они пронзили ее насквозь, дыхание перехватило. Он немного отстранился, и она смогла выдохнуть.

– Я тоже подожду.

А хочет ли она этого? Тем не менее его присутствие успокаивало, и... пусть уж он сидит с ней здесь, чем находится в мотеле, выискивая недочеты. Хотя на самом деле ей просто приятно его общество.

– Мы едем не в мотель, – сказала Уинни.

Ксавьер искоса бросил на нее взгляд.

– Я велел Рейесу отвезти нас в приморский ресторан. Вы не завтракали, а уже третий час. Вам нужно поесть.

Она посмотрела на часы и спорить не стала – хотя ему показалось, что поспорит, – и откинулась на мягкое сиденье лимузина. Она, кажется, не замечала роскоши автомобиля, но сам-то он с удовольствием сидел на пружинистом кожаном кресле после того, как не один час промаялся на жесткой больничной скамье.

Но кто действительно устал, так это Уинни.

– Мне сказали, что ресторан «Клементин» – замечательный.

– Да, я слышала самые лестные отзывы.

Автомобиль остановился перед одним из модных новых ресторанов на Золотом Берегу, но радостной улыбки Уинни Стивенс он не увидел. А он хотел доставить ей удовольствие после всех ее переживаний и хлопот с Сереной Гладстон. Выходит, что такого рода развлечения не для нее.

– Вы бы предпочли пообедать в другом месте?

– Я бы вполне удовольствовалась горячими чипсами где-нибудь на пляже. – И бросила взгляд на его ноги. – Но у вас обувь не для пляжа.

Да. На нем кожаные итальянские ботинки и шелковые, в тон, носки. Слова сами выскочили изо рта:

– Это легко исправить. Я разуюсь.

Она с неподдельным изумлением смотрела, как он нагнулся, снял ботинки и носки. Засмеявшись, она тоже скинула туфли. Он увидел, как заискрились ее глаза. Это та награда, которая ему нужна.

Он купил два бумажных кулька с чипсами, и они не спеша побрели по песку, пока не нашли удобное место на пляже. Золотистый песок тянулся на многие мили, над головой синее

небо, легкий ветерок обвеивает лицо. Ксавьер вдыхал запах соли и жасмина – соль с океана, а жасмин от женщины, сидящей рядом с ним.

– Я снова хочу сказать, что сегодня вы были потрясающей, – сказал он.

Уинни сдвинула брови.

– Вы имеете в виду, что ваше прежнее критическое замечание надо считать комплиментом?

– Какое замечание?

– То, что я проигнорировала табличку «Не беспокоить».

– Я не это имел в виду!

– Вы именно так сказали. – Она пожала плечами и стала смотреть на волны.

Ксавьер старался побороть неожиданную злость. Он – ее хозяин и не обязан объяснять ей каждое свое слово.

– Мне жаль, что это произвело на вас такое впечатление. Я хотел сказать, что восхищаюсь вашим пониманием клиентов и вашим вниманием к их нуждам.

Уинни повернулась к нему:

– Я работаю с людьми. Меня учили предвосхищать их желания.

– Я тоже работаю с людьми.

У нее вырвался смешок, который она моментально подавила.

– Наша сфера деятельности одна и та же, но мы живем в разных мирах. Я говорю не о Северном и Южном полушариях. Вы лично не заняты тем, чтобы предвосхищать чьи-либо желания. У вас для этого есть персонал. Вы привыкли отдавать приказания, которые должны выполняться мгновенно и без вопросов. – Сказав это, Уинни поморщилась. – Я не хочу выглядеть непочтительной. Просто у нас с вами разные роли в гостиничной отрасли.

Он поверил, что она не хотела его обидеть. И еще понял, как далек он от каждодневного управления своими отелями. Но не вникать детально в работу этого отеля он не может. Слишком многое стоит на кону.

– Вы это имели в виду, когда сказали раньше, что я не изучал гостиничный бизнес с самых азов?

Она кивнула.

– И вы это не одобряете?

Она снова отвернулась и молча покачала головой.

– Я бы хотел, чтобы вы все-таки ответили.

– Да? Но если я выскажу свое мнение, не укажете ли вы мне на дверь?

– Укажу на дверь?

– Уволите меня, – уточнила она.

– А-а! Я не могу вас уволить за то, что вы сейчас скажете. Особенно в день, когда вы были героиней, фактически спасли жизнь Серене Гладстон.

У нее приоткрылся от удивления рот.

– Я не уволю вас за честность – это не благородно. Я ведь сам попросил честного ответа.

Она слотнула слюну, а он не отводил глаз от ее шеи, длинной, нежной, матовой.

Уинни сложила ладони и кашлянула.

– Мистер Рамос...

– Ксавьер, – поправил он.

Грудь у нее учащенно поднималась и опускалась – она волновалась.

– Ксавьер, для меня не секрет, что я вам не нравлюсь.

Он хотел возразить, но она жестом его остановила:

– Я понимаю – столкновение непохожих личностей. Но это не означает, что мы не сможем сработаться. Вот почему так важно держать себя в руках. Это стирает шероховатости,

вынуждает к цивилизованному поведению. Но вы и не пытались быть вежливым. Если бы вам пришлось начинать карьеру с низов, то вы были бы более...

– Более?..

– У вас было бы больше уважения к чувствам других, и... вы больше бы думали о том, какое впечатление производите на людей.

У Ксавьера застучало в висках.

– Вы полагаете, что я не обращаю внимания на чувства других людей?

Он вспомнил, как с ней разговаривал, свой тон, и едва не произнес длинное ругательство в свой адрес. Он вел себя бестактно, грубо. А она... она спасла жизнь постоялице мотеля! Она была с ним доброжелательна, а в ответ...

Она заслужила лучшего к себе отношения.

Она заслужила объяснения.

– Уинни, вы не правы – я не испытываю к вам неприязни. Хотя вы правы в том, что я был резок с вами. Это оттого, что я ждал противоречий с вашей стороны, думал, что вы будете противостоять изменениям, которые я хочу осуществить в «Доме Эгги». Мое поведение было очень грубым. Я прошу меня извинить.

«Она заслуживает не только извинений, но и объяснений».

Тяжесть давила ему на плечи, боль жгла грудь.

– Моя скорбь по деду еще слишком свежа и... Как это говорят? Я выбрал вас на роль «мальчика для битья»?

Она кивнула.

– Это нечестно с моей стороны. И... мне следовало подождать подольше, не торопиться приезжать сюда, на Золотой Берег.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.